

Евгений Деменок

Калейдоскоп

Sub rosa

21 декабря 2014 года потомственный главный бухгалтер Константин Сергеевич Долгоруков пришел с работы домой и сел за обеденный стол. Он был дома один, супруга с работы задерживалась, и, собственно говоря, он мог бы усесться на диван или даже в кресло, ведь стол был пустым. Тем не менее он сел именно за него, повинувшись неясному еще внутреннему порыву. Захотелось думать о чем-то прекрасном и даже записывать свои мысли. Константин Сергеевич попробовал было встать и пойти в соседнюю комнату за листом бумаги и карандашом, но внезапно это показалось совсем неважным.

Он закрыл глаза, и поток невнятных образов увлек его. Ему словно начали показывать кино, и он был настолько этим фильмом очарован, что собственные мысли оказались вовсе и ненужными, куда-то отступили, никак не мешая той звенящей тишине, в которой он вдруг оказался.

Он находился то в центре, то сбоку огромного цветка, у которого вместо отмирающих старых вырастали все новые и новые лепестки. Цветок был огромным, рос из воды и казался ему то лотосом, то розой. По сравнению с этим цветком сам он был просто крошечным, но это его никак не беспокоило. Иногда ему казалось, что сам он – один из этих лепестков. Иногда – что просто сторонний наблюдатель.

Вдруг Константин Сергеевич ощутил рядом с собой некое присутствие кого-то величественного и вместе с тем прекрасного. И эта величественность его тоже совсем не пугала.

Без всякого интеллектуального напряжения и сомнений он вдруг осознал, что это Бог. Осмыслить его он даже не пытался, но попытался почувствовать.

И ему это удалось.

Легко и естественно он понял, что два главных чувства, которые испытывает, – это чувства любви и абсолютной защищенности. Ничего плохого больше никогда не могло произойти.

Слезы сами собой покатались из его закрытых глаз. Он был абсолютно счастлив.

Так же, с закрытыми глазами, он услышал, как открылась дверь. Жена позвала его с порога и, не дождавшись ответа, вошла в гостиную. Постояла возле него молча, с некоторой тревогой спросила, все ли в порядке, погладила по голове и ушла на кухню.

Роза продолжала распускаться, но как-то поблекла – если вначале она была то красной, то золотой, то теперь становилась то сдержанно бежевой, то голубоватой. Чувство божественного присутствия стало слабее. Ощутимо слабее. Появились мысли. Он вспомнил вдруг, что состояние полного отсутствия мыслей испытывал перед этим лишь однажды, сидя ранним утром на галечном пляже в Гурзуфе, когда волны, накатываясь и убегая, переворачивали камни. Мысль эта была ему сейчас совершенно не нужна, но отогнать ее, как и последующие, он уже не мог.

Постепенно он начал приходить в себя. Сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Осторожно открыл глаза. Взглянув на часы, удивился – он просидел так почти полтора часа.

Того, что с ним случилось, жене он объяснить не смог. Не хватало слов, а те, что были, казались по сравнению с пережитым ничтожно пустыми.

Если бы он увлекался мистикой, глубже разбирался в философии или в истории религий, то непременно бы вспомнил, что уже в Упанишадах лотос, растущий в океане бесконечных рождений и смертей, представлял собой проявленную вселенную. Возможно, вспомнил бы, что Брахма, бог творения в индуизме, создатель вселенной, родился именно из цветка лотоса, выросшего из пупка Вишну.

Занимайся он йогой, наверняка бы вспомнил, что падмасана названа именно в честь лотоса, а каждая из семи чакр имеет форму лотоса разного цвета и с разным количеством лепестков.

И, без сомнения, вспомнил бы и то, что в западной культуре место лотоса как центра мироздания и символа вечно обновляющегося мира занимает именно роза.

Может быть, он вспомнил бы средневековую легенду о чуде с розами и символ розенкрейцеров. Начал бы припоминать богов и святых, атрибутами которых является этот цветок.

И уж точно, стопроцентно решил бы прочесть наконец «Розу мира» Даниила Андреева.

Но все эти далекие от прикладной, практической пользы и не имеющие экономической составляющей знания Константина Сергеевича никогда не интересовали. Были ему совершенно чужды. Поэтому никакие такие мысли и ассоциации в его голову не приходили.

Но, возможно, в тот момент они бы ему даже помешали.

Часть вторая

Никто, конечно, мне не верит. Все думают, что это – ловко сделанная фальшивка. Никого не убеждает то, что я жил с ним в одном дворе. Никто не верит в то, что мы могли с ним подружиться. Действительно, мне было одиннадцать, а ему почти пятьдесят. Но подружиться в таком случае даже легче. Хотя мы были очень разными. Мне страшно нравились все эти вооруженные солдаты, выстрелы по вечерам, валяющиеся на улицах гильзы. Красные флаги. Его все это ужасало. Наверное, потому он и уехал. Я долго не знал, куда. Потом уже узнал о Париже.

Больше я никогда его не видел и писем от него, разумеется, не получал. Да и как вы представляете себе письмо из Парижа в почтовом ящике коммунальной квартиры на Баранова, 27?

Перед отъездом он принес мне рукопись, завернутую в плотную коричневую бумагу. Принес и попросил надежно спрятать, лучше – закопать.

– Ты мальчишка, тебя никто не заподозрит. Запомни только место. Я обязательно вернусь за ней. Не раскрывай ее и не читай. Обещаешь?

Я пообещал.

Он крепко пожал мне руку.
Я сделал все, как он просил.
Много лет спустя я узнал о том, что он умер.
Рукопись сейчас у меня дома. Теперь, когда можно все, я пытаюсь ее опубликовать. Но издатели лишь смеются, увидев заголовок:
«Иван Бунин. Окаянные дни. Часть вторая».

Борхес и Он (литературный *ready made*)

Я написал о Нем. Я – это, как и вы, вольный гражданин мира. Он – Единственный Великий Поэт, крыловейный Мудрец. Футурист-Песнебоец. Живой Памятник на глыбе Своего Творчества.

Это он, Борхес, причастен к суетной жизни. Я же тихо брожу по Буэнос-Айресу и, быть может, уже неосознанно замедляю шаги перед аркой портала или вязью чугунной решетки.

Я и Он. Два лица, два существа, два друга, две дороги рядом, два бога, два дьявола. Я – это когда вкусно и плотно обедаю, пью вино, черный кофе, курю дорогую сигару. Он – это когда в полетах птиц, в движении ветра, в изгибе радуги, в травоцветенье или в ритме прибойных волн моря видит мудрый смысл песни: И где-нибудь в шатре на Каме Я буду сам варить картошку и, засыпая с рыбаками, вертеть махорочную ножку. Он – всегда в творческом созерцанье. Он – бесплотен и легок, как ангел. Я же – весь в суете человеческих дел и непрестанных событий. Я всегда – со всеми в куче муравейника. Он – одинок, высок и оснежен вечностью – будто вершина Казбека. Я коммерсант или кавалер, пассажир или рабочий, квартирант или слежу за чисткой штиблет и зубов. Я – главное – издатель Его сочинений, антрепренер Его лекций – гастролей, устроитель Его выступлений – триумфов.

О Борхесе я получаю известия по почте и вижу его фамилию то в списке на замещение профессорской должности, то в словаре персоналий. Мне нравятся географические карты, шрифт восемнадцатого века, этимологии, песочные часы, вкус кофе и проза Стивенсона. Другой имеет те же пристрастия, но он их слегка афиширует и тем превращает в аксессуары актера.

Он – трепетно – гордо любит Книгу, а я занимаюсь пространством. Он – любит подарить Книгу Свою, а я предпочитаю продать и получить деньги. Он – сгорая в увлеченье – читает лекцию и следит за красотой стройности речи, а я думаю о кассе. Его часто приглашают выступить с речью или со стихами, и Он никогда не подумает о гонораре – меня же гонорар интересует нервно, и я жду высокой заработной платы, как этого ждет каждый мастер у своего станка. Ведь я знаю – Ему необходима вольная, широкая, многогранная, яркая, феерическая жизнь. Жизнь – Поэта Жизни. Жизнь – путешествующего бога с подарками. Жизнь – открывателя апельсиновых рощ.

Неверно думать, будто мы питаем вражду друг к другу. Я живу, я стараюсь жить, чтобы Борхес мог сочинять свои книги, а эти книги меня оправдывают. Без ложной скромности можно сказать, что ему удались кое-какие страницы, но мне от этого мало проку, ибо удача, я думаю, уже не личная собственность – даже того, другого, – а достояние речи и литературной традиции. В конечном счете мне предназначен уход из жизни, раз и навеки, и лишь на одно мгновение я смогу себя пережить в другом. Мало-помалу я отдаю ему все, хотя вижу в нем пагубную склонность к вымыслам и преувеличениям.

Я строго автономен в жизненной борьбе, как Он в своем Творчестве. Часто мы не мешаем друг другу, а иногда расходимся во взглядах и начинаем состязаться в истинности положенья. Побеждает тот из двух, кто в данный момент окрасится ярче, острее, звучальнее.

Спиноза мыслил, что сущее хочет всегда оставаться самим собою: камень хочет остаться камнем, тигр – тигром. Мне же надо быть Борхесом, а не собой (если вообще я был кем-то), но в его книгах я теперь себя вижу реже, чем во многих других или в искусном звучании гитары. Я и раньше пытался с ним распрощаться – от мифов о наших предместьях перешел к играм на темы времени и бесконечности, но эти игры тешат нынешнего Борхеса, и мне пора придумывать новые штуки. А это значит, что жизнь моя – сплошное бегство, и я утрачиваю все, и обращаю все в забвение или в того, другого.

Я много работаю и очень устаю, но никогда никому не жалею: ведь знаю, что всем, по существу, наплевать и на меня, и на Него (с особым удовольствием), и на все божественное Искусство. Тупой эгоизм близких, друзей, врагов – одинаково преимуществует. И никому нет дела до меня и Поэта. И если завтра сгинет Поэт с голоду или от гнета нужды – никто может не узнать об этой великой печали: потому что никто не заботился о Нем.

Не знаю, кто из нас двоих пишет эту страницу.

Два Папы

Теперь все сошлось.

Удивительно, как я не заметил этого раньше.

Хорошо, что понял сейчас. Ведь все так очевидно.

Они были такими разными – и в то же время похожими. Родились в один и тот же день. Первый, художник, был старше на семнадцать лет, но пережил второго почти на шесть.

У обоих был поврежден левый глаз. Одному даже пришлось его удалить, и всю жизнь он носил искусственный. Не представляю себе этого. Не представляю, какие именно искусственные глаза делали сто лет назад. Наверняка они были тяжелыми и твердыми. Потому и приходилось напрягать все время мышцы лица. Потому недоброжелатели и называли его «кривомордым». А как с таким глазом спать? Нужно ли было класть его в стаканчик, в специальный раствор, как вставную челюсть? Вопросов много.

Плюс во всем этом был один – не пришлось идти на войну, погибать за родину. Говорят, он даже вынул на спор где-то на Дальнем Востоке свой глаз, чтобы доказать офицеру, что непригоден к военной службе. Доказал. Выжил – единственный из братьев. Войну и насилие всю жизнь ненавидел. Вспоминал с ужасом, как отец брал его с собой на охоту, и пришлось однажды добивать перочинным ножом зайца.

Другому повезло больше. Глазной дефект был врожденным, достался ему от матери, но внешне не был заметен, потому популярностью у женщин он пользовался гораздо большей, чем первый. Но на войну все равно не взяли. А он хотел. Очень хотел.

И поехал на нее, обрадовавшись кадровому набору Красного Креста. Отцовские уроки охоты и рыбной ловли воспринял с восторгом – и не мыслил свою жизнь без них. Как и без войны – после первой, спустя девятнадцать лет, принял участие во второй, а затем и в третьей.

Оба страстно любили море и не мыслили свою жизнь без яхт. Первого в это втянули сыновья, и он написал сотни холстов с палубы небольших семейных парусных лодок – только такие они могли себе позволить. Он даже завещал развеять свой прах с бортовой любимой яхты, что сыновья с внуками и сделали.

Яхта второго была моторной, он владел ею целых двадцать семь лет, и название ее стало именем нарицательным. Правда, и тут он не мог обойтись без войны – охотился на своей моторке за немецкими подлодками. И ловил, бесконечно ловил рыбу – всех этих марлинов и акул. Чего первый терпеть не мог. Интересно, что в своем предпоследнем романе, полностью посвященном жизни в море, он представил сам себя в образе художника.

Оба прожили большую часть жизни на островах. Оба любили Флориду. Первый устроил выставку на Кубе год спустя после того, как второй, живший как раз там, получил Нобелевскую премию. Второй, конечно, об этом не знал, да и вряд ли вообще догадывался о существовании первого. Первый же второго читал и ценил.

Рождение в один день. Поврежденный левый глаз. Страстная любовь к морю. Мало того – обоих во второй половине жизни называли папами.

Они никогда не были друг с другом знакомы. Но с тех пор как я прочел в детстве биографию второго, я мечтал стать автором книги в этой существующей уже почти девяносто лет серии. И только написав биографию первого, понял, как много в их судьбах удивительных совпадений.

